

С. В. Смирнов

КОНСТРУИРОВАНИЕ ДИАСПОРАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ВОСПОМИНАНИЯХ РУССКИХ РЕПАТРИАНТОВ ИЗ КИТАЯ

Смирнов Сергей Викторович, доцент кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51); кандидат исторических наук, доцент.

Smirnov Sergey, associate professor of the Department of Modern and Contemporary History of Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (620083, Russia, Ekaterinburg, Lenina Avenue, 51); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 350-75-32. Электронная почта/E-mail:

smirnov_sergei@mail.ru

Статья посвящена проблеме конструирования диаспоральной идентичности в среде русских репатриантов из Китая в 1990-2000-е гг. Автор на основе изучения воспоминаний и других документов личного происхождения русских репатриантов анализирует проблему существования диаспоральной идентичности в среде «русских китайцев» в эмигрантский и пост-эмигрантский период. Особое внимание уделяется изучению факторов, которые способствовали «возрождению» диаспоральной идентичности в среде русских репатриантов из Китая в постсоветский период, а также черт, присущих диаспоральной идентичности репатриантов.

Ключевые слова: диаспоральная идентичность, Русская Атлантида, русская эмиграция, репатрианты, историческая память.

THE CONSTRUCTION OF DIASPORA IDENTITY IN THE MEMOIRS OF RUSSIAN IMMIGRANTS FROM CHINA

The article focused on the problem of constructing Diaspora identity among the Russian Repatriates from China in 1990-2000th. Author based on the study of memoirs and other personal papers of Russian Repatriates analyzes the problem of the existence of Diaspora identity in “Russian Chinese” community in emigration and post-exile period. Special attention is paid to the study of the factors that contributed to a “revival” Diaspora identity among the Russian Repatriates from China in the post-Soviet period, as well as traits of Repatriates’ Diaspora identity.

Keywords: Diaspora Identity; the Russian Atlántida; Russian Émigrés; Repatriates; Historical Memory.

Атлантида, необыкновенный остров, исчезнувший в морской пучине, символ утраты, стала в 1990-е гг. одним из наиболее распространенных образов русской послереволюционной эмиграции и прежде всего русской эмиграции в Китае.

Можно вполне определенно утверждать, что образ Атлантиды (или ее русского аналога – града Китежа) дважды актуализировался в сознании эмигрантов «восточной ветви». Сначала на стадии становления эмигрантского сообщества, когда Атлантида символизировала потерянную Родину, навсегда ушедшую старую Россию, маленьким осколком которой и являлась эмиграция⁵²¹. Позднее, на стадии меморизации эмиграции после исчезновения советского режима в России и «реабилитации» Русского Зарубежья, когда Атлантида стала символом самой эмиграции⁵²².

Процесс меморизации эмиграции, активно развернувшийся в России в 1990-е гг. и выразившийся в массовом появлении воспоминаний бывших эмигрантов о своей жизни за рубежом и после возвращения на Родину, на наш взгляд, актуализировал проблему идентификационной диаспоризации⁵²³ в среде русских репатриантов из Китая.

Прежде чем перейти к анализу обозначенной проблемы, нужно отметить, что и в отечественной и в зарубежной историографии почти нет исследований, посвященных проблемам социально-культурной адаптации российских репатриантов из стран эмигрантского рассеяния к советской среде, трансформации сознания репатриантов и видоизменения «образа себя» и «образа другого» в этом сознании. Особенно это касается изучения репатриантов, прибывших в СССР из Азии⁵²⁴. Едва ли не единственной публикацией, посвященной изучению сознания русских репатриантов из Китая через призму мемуарных источников, является статья американского профессора Лори Манчестер⁵²⁵.

Исследуя проблему конструирования диаспоральной идентичности в сообществе репатриантов из Китая, мы исходим из следующих

⁵²¹ Этот образ впервые появился на страницах эмигрантских газет и журналов в начале 1920-х годов. Так, например, в одной из статей «Русского вестника» (апрель 1921 г.) есть слова: «Здесь, вдали от Родины, мы стали детьми потерянной Атлантиды».

⁵²² Термин «Русская Атлантида» постоянно встречается на страницах периодической печати, исходящей из среды бывших репатриантов из Китая, а издаваемый «русскими китайцами» в Челябинске журнал так и называется «Русская Атлантида».

⁵²³ Что касается терминов «диаспора», «диаспоральная идентичность» и др., отсылаю к журналу «Диаспоры» 1999 г. № 1-3, 2001 г. № 2-3.

⁵²⁴ Отечественные сочинения, касающиеся проблем русских репатриантов из Китая, в основном сосредоточены на процессе репатриации в его количественных показателях: потоки репатриации, численность, структура и т.д. Здесь можно отметить следующие работы: Аблажей Н. Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае (Новосибирск, 2007); Вертилецкая Е. В. Репатрианты в Свердловской области в 1944 – начале 1950-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук (Екатеринбург, 2004).

⁵²⁵ Manchester 2013.

предположений. Элементы диаспоральной идентичности были присущи русскому эмигрантскому сообществу в Китае еще в 1920–40-е гг. Стремительный взлет патриотизма в эмигрантской среде в годы Второй мировой войны и желание возвратиться на родину способствовали формированию в эмигрантском сознании (особенно молодого поколения эмигрантов) новой, советской идентичности. Но даже после возвращения в Россию диаспоральная идентичность в среде репатриантов в определенной мере продолжала существовать, испытав свое новое «рождение» на стадии умирания репатриантского сообщества. С кардинальным изменением социально-политической ситуации в стране в 1990-е гг. развернулся процесс консолидации репатриантского сообщества и активного конструирования диаспоральной идентичности бывших репатриантов на базе обращения к исторической памяти общества.

Обычно считается, что русская послереволюционная эмиграция ни в одной из стран своего расселения не превратилась в диаспору, на что указывает хотя бы то, что в третьем поколении русские эмигранты в своей основной массе ассимилировались с местным населением. В то же время тенденции к превращению русской эмиграции в диаспору существовали, что особенно ярко проявилось в Китае, где для этого сложились наиболее благоприятные условия.

Формированию диаспорности способствовал, во-первых, вынужденный характер эмиграции, социально-культурная чуждость принявшей эмигрантов страны и осознание эмигрантами своей принадлежности к более цивилизованному обществу. Во-вторых, наличие в Китае (прежде всего в Северной Маньчжурии и ее центре – Харбине), благодаря развернувшейся с конца XIX в. имперской политике «освоения» Китая, русской социально-культурной инфраструктуры – учебных заведений (включая высшие), религиозных и культурных учреждений, многочисленных общественных организаций, а также русской сферы занятости (прежде всего Китайская Восточная железная дорога – КВЖД). В-третьих, постепенный рост давления на русское эмигрантское сообщество со стороны китайских властей с целью либо его вытеснения из страны, либо принудительной интеграции.

Достаточно обособленное существование русского (точнее – российского) эмигрантского сообщества в Маньчжурии способствовало формированию особой идентичности ее членов. Для эмигрантского сознания в целом было характерным противопоставление себя коренным жителям (в то же время для эмигрантов, проживавших в городах Северного Китая и Шанхае, где существовали достаточно большие европейские колонии, противопоставление себя европейцам проявля-

лось очень слабо), а также советским гражданам⁵²⁶. Восприятие эмиграции хранительницей настоящей русской культуры.

Ярким примером синхронного среза эмигрантского сознания могут служить дневниковые записи эмигрантов, демонстрирующие противопоставление своего и китайского, своего и советского. И. И. Серебренников, крупный общественный деятель, ученый, проведший большую часть своей жизни в Китае в городе Тяньцзинь, отмечал в своем дневнике в 1932–1933 гг. следующее. 5 января 1932 г.: «...Я прожил в Китае уже одиннадцать лет и скажу: нет на свете чиновника более мерзостного, пакостного, лихоимного, чем в этой стране. Разве только наша сановная коммунистическая дрянь может выдержать сравнение в этом отношении»⁵²⁷. 29 апреля 1933 г.: «День был сегодня необычно жаркий и душный. В такие дни, в апреле месяце, всегда чувствуешь себя крайне скверно. Господи! Хоть бы на месяц побывать в Сибири и подышать родным воздухом!! Китай осточертел до полной невозможности переносить его более»⁵²⁸. 29 августа: «Надо как-то располагаться на 14-ю осень в Китае. Надежд на возвращение в родные края нет никаких. Китай, китайцы и китайщина надоели и опостытели до последней возможности...»⁵²⁹. 29 декабря: «Чем ближе к нашим Рождественским праздникам, к Новому году, тем грустнее как-то становится на душе. Время идет, стареешь, одолевают разные болезни, а возврата домой, на родину, не видишь и не предчувствуешь. Спрашивается, почему эти интернационалисты, всякий международный сброд живут в России, а ты, русский, должен заканчивать свои дни в каком-то чужом Китае; жить среди народа, с которым за тринадцать лет жизни здесь не имеешь, не можешь найти ничего общего... Что за нелепица?!?!»⁵³⁰.

Несмотря на сильную тенденцию к диаспоризации российской эмиграции в Китае, существовали другие факторы, а именно всепоглощающая, особенно для старшего поколения эмиграции, идея возвращения на Родину и большое этно-религиозное разнообразие эмигрантского сообщества, которые препятствовали оформлению русской диаспоры в Китае.

Вторая мировая, а точнее Великая Отечественная война привела к расколу эмиграции на два лагеря – «непримиримых» и «патриотов». И те и другие стремились возвратиться на Родину. Но, если «непримиримые» рассматривали такую возможность только в связи с падением большевистского режима в России, то «патриоты» считали, что боль-

⁵²⁶ Смирнов 2012.

⁵²⁷ Серебренниковы 2006: 156.

⁵²⁸ Серебренниковы 2006: 308.

⁵²⁹ Там же: 328.

⁵³⁰ Там же: 360.

шевистский режим переродился в горниле Отечественной войны, и необходимость помощи Родине отодвигает на задний план все старые счета. Рост патриотизма в эмигрантской среде во многом предопределил массовую репатриацию русских эмигрантов из Китая после окончания войны.

Процесс репатриации русских эмигрантов из различных частей Китая шел неодинаково. Если из Шанхая и городов Северного Китая основная масса эмигрантов, принявших советское гражданство, репатрировалась в Советский Союз уже в 1947–1948 гг., то из Маньчжурии и Синьцзяна репатриация началась только в середине 1950-х гг.

Выезжавшие из городов Северного Китая и Шанхая репатрианты уже были в некоторой степени «советизированы», но то советское влияние, которое они испытали в Китае, было незначительным и недолгим, поэтому говорить о создании устойчивой советской самоидентификации в сознании репатриантов не приходится. По-другому обстояло дело в Маньчжурии.

За послевоенное десятилетие советская администрация в Маньчжурии приложила немало усилий для того, чтобы «перековать» эмиграцию и сделать ее достойной своей социалистической родины. «Открытая контрреволюция» была ликвидирована в ходе масштабных «зачисток» в эмигрантской среде, предпринятых СМЕРШем на территории оккупированного войсками Красной армии Северо-Восточного Китая в 1945–1946 гг. Подавляющая часть оставшихся русских приняли советское гражданство. Бывшие эмигранты были включены в состав советских общественных организаций, работали в советских учреждениях. Их дети обучались в советских школах, участвовали в работе пионерской (Юнак – Юный активист) и комсомольской (ССМ – Союз Советской Молодежи) организаций. Тем самым формировалась новая, советская идентичность эмигрантов, особенно русской молодежи. Как пишет в своих воспоминаниях Е. Л. Комендант, «жизнь своей Родины мы узнавали, главным образом, из газет, журналов, книг и, конечно, кино – неотъемлемой части нашей жизни... Мы были так патриотично настроены, воспитаны, все впитывали в себя, как губка. Когда умер И. Сталин, многие плакали. Во дворе клуба был выставлен на сцене большой его портрет и все ССМ-овцы поочередно дежурили у этого портрета три дня»⁵³¹. Очень похожая ситуация воспроизводится в воспоминаниях О. В. Загоскиной: «В 1953 г. умер Сталин. Мы, молодежь, воспитанная советскими школами и Союзом Советской Молодежи (ССМ), точной копией комсомола, горько плакали, не понимая, не желая понимать, от какого деспота и тирана избавилась земля, избавились мы все»⁵³².

⁵³¹ Комендант 2010: 43.

⁵³² Загоскина 2005: 55.

Большая часть эмигрантской молодежи, и не только молодежи, хотели как можно скорее возвратиться на Родину, жить среди подобных себе, учиться, работать, быть полезными своей стране. Возвращение в Россию/СССР для большинства этих людей стало осознанным выбором, что отражают позднейшие воспоминания. Е. Л. Комендант: «И вот в начале 1954 г. это, наконец, свершилось, нас повезли на освоение целины в телячьих вагонах. Местное население в СССР не верило, что мы добровольно переехали и считали, что мы ссыльные. А мы рвались на Родину, молодежь встретила известие об отъезде на “ура”. В срочном порядке все влюбленные пары переженились и буквально через неделю-две уезжали»⁵³³. О. В. Загоскина: «А весной 1954 г., ровно через год после смерти Сталина, стало известно, что нас, русских, проживающих в Китае, приглашают в Советский Союз на “освоение целинные и залежных земель”... Боже, что тут поднялось! Все ходили сами не свои... Я сразу сказала своим: “Я поеду, а вы как хотите”. Это было безрассудство. Это был эгоизм с моей стороны...»⁵³⁴.

Возвращение на Родину, которое должно было стать концом затянувшейся эмиграции, тем не менее, для многих репатриантов не стало таковым. Наоборот, то горькое разочарование, которое многие репатрианты испытали при столкновении с советской действительностью, породило в их сознании конфликт между старой и новой идентичностью, и способствовало диаспоризации (прежде всего на уровне идентификации) репатриантов.

Источники, синхронные периоду репатриации, показывают, насколько плохо были осведомлены репатрианты о настоящем положении дел в Советском Союзе, как был высок уровень идеализации советской действительности, и каким сильным стало разочарование и отторжение всего советского сознанием репатриантов⁵³⁵.

В качестве иллюстрации приводим выдержки из специального сообщения Управления МГБ по Свердловской области «Об отрицательных высказываниях среди реэмигрантов, прибывших из Китая и размещенных в Свердловской области» от марта 1948 г., основанного на материалах из перлюстрированных писем репатриантов.

«...Два или три м-ца тому назад, когда находился в Шанхае, я строил совершенно другие планы на будущее, а между тем сейчас все

⁵³³ Комендант 2010: 43, 44.

⁵³⁴ Загоскина 2005: 55.

⁵³⁵ Мы не стремимся абсолютизировать сделанные нами выводы. Существуют источники, позитивно описывающие процесс репатриации и «вживания» репатрианта в советскую действительность. Не упоминаем и об издававшейся большими тиражами в 1950-60-е гг. художественной литературе, вышедшей из репатриантской среды. Эта литература при всей ее художественной значимости играла роль одобренной властью парадной вывески стремящегося стать частью великого советского народа сообщества репатриантов.

переменилось. Мне приходится здесь много и тяжело работать, чтобы заработать себе на жизнь... я не могу ничего купить того, в чем нуждаюсь, например, пару туфель или костюм. Такие предметы называются здесь роскошью... Я все время болею, может быть я еще не акклиматизировался, но вообще самая большая ошибка, которую я когда-либо сделал, что приехал сюда. Я никогда не прощу себе этого...».

«...Настроение у меня от самой Находки ниже нуля, а последнее время стал особенно огрызаться, доказывать “недемократичность” нынешней местной демократии. Как тяжело разочароваться в том, во что верил. Еще в Находке обратил внимание на истощенные, испытанные лица, жалкий рынок, а дорогой – на замечания встречных “кто работает, тот не ест”, “куда вы едете?” и др... Зарабатываю мало, заработок более сдельно [так в тексте – С. С.]. Здесь пафос речей по радио и заработка, но отнюдь не пафос строительства. У меня появляется решение вернуться на Восток».

«Попал на разъезд Перескачку. Комната большая светлая. Положение наше плохое, материально вообще никуда негодное. Толя служит шофером, а Вова лесорубом, они изматываются и устают, как собаки, а жрать нечего... Я уже продала много вещей, меняли вещи на картошку, выменяли на вещи две козы. Первое время Толя на себе рвал волосы, иногда просто рыдал, он никогда не думал, что нас так обманут...».

«...Вообще, если проанализировать, что может ожидать рядового шанхайца в Союзе, то с уверенностью скажу, на первых порах, это будет 90 из 100 случаев, почти полное разочарование. Разочарование в людях (малокультурных здесь хватает) и все связанное с этим. В Шанхае мы как-то слишком идеализировали “советского человека”, а себя унижали... Здесь нужно выработать или, вернее, привыкнуть, к совершенно другим критериям выносливости, твердости и т.д.»⁵³⁶.

Итак, можно предположить, что столкновение с советской действительностью актуализировало прежнюю, досоветскую идентичность в сознании репатриантов. Впрочем, это предположение можно отнести только к младшему поколению взрослых репатриантов. Старшее поколение, особенно те, кто имел дореволюционный опыт жизни в России, почти не испытали на себе советского влияния и не интегрировались в советскую среду. В этом отношении ярким примером могут служить дневники-воспоминания В. А. Морозова, юриста, бывшего офицера Белой армии, вернувшегося с семьей на родину в середине 1950-х гг.⁵³⁷. Взявшись за перо, автор избрал для себя роль «стороннего наблюдателя», «мозг которого не затуманен ежечасной, ежеминут-

⁵³⁶ Архив УФСБ РФ по СО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 344: 142-147.

⁵³⁷ РГАЛИ. – Ф. 1337. – Оп. 5. – Собрание воспоминаний и дневников Морозова В. А. «Записки об эмиграции».

ной пропагандой», который единственный способен объективно оценить то, что произошло с Россией за послереволюционный период.

Сложно сказать в каком виде сохранялась досоветская идентичность в сознании бывших эмигрантов молодого поколения. В нашем распоряжении очень мало воспоминаний репатриантов советского период. Существующие же воспоминания, это воспоминания *советских людей* с необычной судьбой. Эмиграция здесь представляется как ошибка или роковое стечение обстоятельств в жизни их родителей, а главным событием жизни эмигранта является его возвращение на родину, выступающее закономерным событием в эволюции эмиграции⁵³⁸.

И все же диаспоральная идентичность в среде репатриантов поддерживалась, главным образом благодаря существованию в центрах компактного расселения репатриантов из Китая в СССР репатриантского сообщества, в рамках которого продолжала функционировать коллективная память о жизни в Китае⁵³⁹. Репатрианты часто встречались, вместе отмечали значимые события, включая советские праздники, поддерживали друг с другом переписку.

Вероятно, на протяжении всей жизни в Советском Союзе репатрианты из Китая сохраняли двойственную идентичность: внешнюю – советскую и внутреннюю – эмигрантскую, диаспоральную⁵⁴⁰. В то же время отсутствие соответствующего социально-культурного контекста и институтов, отвечающих за формирование идентичности, привело к тому, что дети и тем более внуки репатриантов, за редким исключением, не приобрели диаспоральной идентичности их родителей.

Как мы предположили в начале статьи, исчезновение Советского Союза и «реабилитация» эмиграции в начале 1990-х гг. привели к реанимации диаспоральной идентичности бывших репатриантов из Китая.

Главными «возрожденческими» центрами выступили здесь общественные объединения «диаспоры», в частности, созданная в Моск-

⁵³⁸ Здесь можно сослаться, например, на опубликованную книгу Н. И. Ильиной «Дороги и судьбы: Автобиографическая проза» (1985) и неопубликованные мемуары В. А. Себрякова «Полжизни в эмиграции. Воспоминания о далеком прошлом» (Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 2).

⁵³⁹ Сам автор, сотрудничавший много лет со Свердловским отделением ассоциации «Харбин», неоднократно встречался со свидетельствами существования многолетних тесных связей между бывшими репатриантами, в том числе и проживавшими в разных регионах России.

⁵⁴⁰ Некоторые исследователи, характеризую жизнь репатриантов после их возвращения на Родину как положение «чужих среди своих», прибегают к термину «внутренняя эмиграция», подчеркивая сохранение в среде репатриантов идеи культурной миссии русской эмиграции, продолжателями которой в условиях жизни в советском обществе становятся репатрианты, и даже оппозиционности советскому режиму. См., напр.: Manchester 2013.

ве общероссийская общественная ассоциация «Харбин» с ее региональными подразделениями, и особенно их печатные органы. Редакционные коллегии появившихся в 1990-е гг. печатных изданий бывших эмигрантов из Китая⁵⁴¹ объединили интеллектуальную элиту «диаспоры», которая обратилась к старой идее Миссии Русской эмиграции. Русская эмиграция позиционировалась как хранительница национального духа и культуры, для возвращения которых в Россию наступило самое время, а бывшие репатрианты – как органичная часть эмиграции. Тем самым, в 1990-е гг. стала активно культивироваться идея уникальности сообщества Русской Атлантиды, китайской ветви русской послереволюционной эмиграции, не растворившейся в принявшей ее среде в отличие от европейской ветви.

Редколлегии репатриантских печатных изданий призвали своих земляков обратиться к эмигрантскому периоду своей жизни, опыт которого должен был помочь в поисках национального пути новой России⁵⁴².

Таким образом, периодическая печать, исходящая из среды бывших репатриантов из Китая, стала важнейшим механизмом конструирования диаспоральной идентичности сообщества «русских китайцев» (при этом мы учитываем, что элементы диаспоральной идентичности продолжали существовать в сознании репатриантов на протяжении всего советского периода).

В процессе конструирования диаспоральной идентичности «русских китайцев» на первый план вышло описание эмигрантского периода их жизни, периода существования уникального русского сообщества на чужой земле, сохранившего в неприкосновенности русские культурные ценности и символическую связь со своей духовной родиной, исчезнувшей Россией. Осознание принадлежности к уникальному сообществу Русской Атлантиды выразилось, в том числе, в дихотомии «советское – эмигрантское (часто позиционируемое и как «русское»)», а особое символическое значение приобрело возвращение на родину, «разделившее жизнь человека на “до” и “после”». Помимо эмигрантского периода жизни именно возвращение на родину окружено в воспоминаниях репатриантов особым вниманием, где наиболее рельефно выражается противопоставление эмигрантского и советского.

⁵⁴¹ Наиболее содержательными и долговечными периодическими изданиями русских репатриантов из Китая являются газеты «На сопках Маньчжурии» (Новосибирск) и «Русские в Китае» (Екатеринбург), и журнал «Русская Атлантида» (Челябинск).

⁵⁴² Напр., программная статья Н. С. Кузнецова «Маньчжурия – российская Атлантида» в первом номере газеты «Русские в Китае» (1995), издающейся в Екатеринбурге.

Выделим наиболее яркие примеры оппозиционности, присущие описанию в текстах воспоминаний процесса возвращения репатриантов на родину.

Во-первых, описание поездов и удобств путешествия, столкновения с советскими таможенниками, изымавшими у репатриантов «запрещенные» книги и грампластинки. Л. Е. Комендант: «На пограничной станции Отпор из хороших вагонов нас переселили в “телятники”, скотские вагоны, в которых были нары... Вскоре мы познакомились с еще одной особенностью родной земли. Здесь нигде и никогда не предусматриваются туалеты... С нетерпением ждали очередной станции. Но не всегда в спешке получалось, т.к. боялись упустить поезд. Дошло до того, что при остановках на полустанках прыгали прямо в траву. А что было делать? У некоторых было потом воспаление кишок от сверхтерпимости»⁵⁴³. Л. В. Пешкова: «Дорога запомнилась плохо, какие-то отрывочные эпизоды. Остановка на станции Отпор, выгруженные из вагонов вещи под проливным дождем... Переселились в теплушки, спим на нарах, естественные потребности справляем в ведро за занавеской...»⁵⁴⁴. Р. А. Андреев: «До границы ехали в пассажирских вагонах, а в г. Маньчжурия нас перевели в теплушки для скота... Прибыли на станцию Отпор и впервые столкнулись с пограничниками и таможенниками... Интересовали их только книги и патефонные пластинки. А редкая семья не везла их с собой. И вот на полу стали расти стопки пластинок и книг, в которых якобы усматривались антисоветские мотивы. Все это подлежало конфискации»⁵⁴⁵. Н. Г. Шарохин: «...ехать пришлось в теплушках, куда нас пересадили из вагонов. В теплушках перевозили скот и заключенных, и все стены были исписаны именами, фамилиями и надписями непристойного содержания»⁵⁴⁶.

Во-вторых, описание мест и людей, встречавшихся в пути.

Л. Е. Комендант: «В Китае железнодорожные пути находились в идеальном порядке, кругом чистота, желтый песочек, и нас поразило, что весь путь черный, в масле, а главное – обслуживают пути женщины в немислимых робах. И первая встреча с ненормативной лексикой. Пьяного в стельку матроса тащили двое, а он изрыгал во всеулышание фонтан нецензурщины, которой мы ранее никогда не слышали... Очень удивили меня деревеньки, особенно избы. Почерневшие. Скобоченные, часто с соломенными крышами и таким количеством окон, как горох на грядке»⁵⁴⁷. Н. Г. Шарохин: «Меня удивила огромная толпа пьяных людей на каждом перроне. Среди них было множество

⁵⁴³ Комендант 2010: 45.

⁵⁴⁴ Пешкова 2005: 73.

⁵⁴⁵ Андреев 2004: 65.

⁵⁴⁶ Шарохин 2007b: 38.

⁵⁴⁷ Комендант 2010: 45.

калек – безруких, безногих, обезображенных, со страшно искаженными лицами. Все они просили милостыню. Это были герои, сражавшиеся и выигравшие одну из самых страшных кровавых войн... Удивляло и то, что все лица были однообразные, стандартные, лишенные нарочь одухотворенности. Где же ты Русь, могучая, о которой грезили наши отцы в Харбине и в Маньчжурии?»⁵⁴⁸.

В-третьих, отношение советских людей к репатриантам. В массе своей граждане СССР воспринимали репатриантов из Китая как ссыльных или завербованных. Никто не верил, что они добровольно приехали в Советский Союз и по собственной воле едут на освоение целины («Понятно, вербованные!»)⁵⁴⁹. Порой встречалась подозрительность и даже не прикрытая враждебность, как к шпионам, которых нужно уничтожить⁵⁵⁰.

Помимо момента возвращения репатриантов на родину четкая оппозиционность «эмигрантского – советского» нашла выражение в описаниях начального периода пребывания репатриантов СССР. В качестве наиболее часто используемых характеристик оппозиции «свое – чужое» («эмигрантское – советское») в современных воспоминаниях репатриантов выделяются следующие черты, символизирующие мир советский.

Пьянство. «В совхозе [«Севостьяновский» (Курганская область)] народ считал, что [наша] семья ненормальная, так как муж не пил»⁵⁵¹. «К нам в дом зашла хозяйка и от имени хозяина пригласила в гости... Кто-то из гостей предложил выпить за хозяина. Нам налили по полному стакану [водки] и, когда мы отпили не более четверти, то это вызвало бурную реакцию всего коллектива. В наш адрес посыпались упреки и домогательства выпить по полной, отчего нам захотелось уйти»⁵⁵².

Стоит добавить описание советских магазинов, где среди невероятной скудости, особо выделялась водка, которую быстро сметали⁵⁵³.

Сквернословие (отсутствие нормального русского языка), низкий уровень культуры вообще. «Впервые за всю свою жизнь я услышал грубую нецензурную брань и не только от мужиков, нас покорило от такого общения. Похоже, мы попали в какой-то притон живых существ человекообразной внешности, говорящих на своем каком-то непонятном жаргоне»⁵⁵⁴. «...Я стала работать проектировщиком [в

⁵⁴⁸ Шарохин 2007b: 38, 39.

⁵⁴⁹ Пешкова 2005: 73.

⁵⁵⁰ Каменев 2005: 64.

⁵⁵¹ Косарева 2011: 71.

⁵⁵² Каменев 2005: 64.

⁵⁵³ Пешкова 2005: 74.

⁵⁵⁴ Каменев 2005: 64.

Кургане]. Сначала в проектном бюро. Коллектив был молодой, приятный, с юмором, веселый, но русский язык был просто ужасен!... Садимся в автобус, все толкаются, муж уступает дорогу и подсаживает женщин... Автобус тронулся, муж остался... А в автобусе женщины обсуждают, что он хотел у них что-то украсть и всю его ругают»⁵⁵⁵. «Село Ояш, старинное, вытянулось ниточкой вдоль Сибирского тракта. В центре на пригорке – церковь со сбитыми куполами, превращенная в клуб, где крутили фильмы, и молодежь собиралась на посиделки... Там царили такие нравы, что, побывав однажды, вторично зайти не хотелось»⁵⁵⁶. «Поразили меня и местные девушки. Они были крайне невосдержанны и очень неопрятны как физически, так и морально... Они были бесцеремонны в своем поведении и речах, не говоря уже об их манерах»⁵⁵⁷.

Отсутствие религиозности. «Ни в одном совхозном доме икон не было...»⁵⁵⁸. Часто описываются закрытые, полуразрушенные, приспособленные под хозяйственные нужды церкви.

Попустительское отношение к труду. «Настало время получать первую зарплату. Размер ее нас удивил. Что-то уж больно много денег нам начислили. Прикинули объем сделанного и обнаружили, что он увеличен ровно в два раза... Идем к учетчице, чтобы сообщить ей об этой ошибке... Девушка смотрела на нас как на идиотов. Так мы столкнулись с одной из самых мерзких сторон социалистической экономики – приписками. Они были во всем: в нарядах рабочих, в статистических отчетах, в знаменитых предпраздничных рапортах, словом, всюду»⁵⁵⁹.

Грязь, неустроенность. Очень часто встречаются описания грязных улиц, недостроенных или развалившихся домов, огромного количества насекомых и крыс, что сочетается с крайней неопрятностью хозяев этого жилья.

Вероятно, по мере «вживания» репатриантов в советскую действительность ситуация оппозиционности ослабевает. По крайней мере, воспоминания практически не фиксируют конфликт между советским и эмигрантским в сознании репатриантов в последующий период жизни в Советском Союзе. Тем не менее, в отдельных случаях мы встречаем непреодолимый антагонизм «своего» и «чужого», порождающий трагичный финал всей жизни.

Согласно воспоминаниям Н. Г. Шарохина, возвращение их семьи в СССР было определено желанием его матери «пожить и непре-

⁵⁵⁵ Косарева 2011: 71, 72.

⁵⁵⁶ Пешкова 2005: 74.

⁵⁵⁷ Шарохин 2007б: 40.

⁵⁵⁸ Там же.

⁵⁵⁹ Андреев 2004: 67.

менно умереть на родной земле»: «Старшее поколение болело ностальгией, и в болезненном воображении грезилась далекая юность, прекрасная страна, в которой они родились и жили, люди, которые их когда-то окружали... Моя милая, бедная мамочка! И она находилась во власти тех же иллюзий, в которых находились люди ее поколения, одержимые маниакальной идеей возвращения и служения России, разоренной страшной войной 1941–1945 годов и ждущей духовной и материальной помощи... Какие страшным ударом была для всей этой массы людей, истрадавшихся и ждавших воссоединения с Родиной, та действительность, которую они встретили!»⁵⁶⁰.

Возвращение в родные места, город Тюмень, оказалось для Шарохиных «изгнанием на чужбину»: «Мы шли с мамой по улицам ее родного города. Она испуганно оглядывалась и дрожала. Она почти ничего не узнавала. Город стал чужим. ВСЕ ИЗМЕНИЛОСЬ!... После долгих многодневных поисков выяснилось, что мама не смогла найти и узнать судьбу своих не только родственников, но даже соучениц по гимназии, друзей и просто каких-либо знакомых. Как будто вымерло все, что когда-то ее окружало. Тот мир исчез!... Мама испытала ужас и боль, ею овладело отчаяние... Вместо той Родины, которую она помнила и к которой стремилась много лет, она увидела чужую, мрачную и непонятную страну, из которой уже не было выхода»⁵⁶¹.

Как с горечью констатирует автор, ни он, ни его мать так в дальнейшем и не сумели приспособиться к «своей Родине»: «Я постоянно ощущал полную отчужденность от окружающего общества. Очень долгое время у меня не было близких друзей и знакомых, что приносило мне невероятные моральные страдания. Постепенно я стал понимать, что никогда не впишусь в этот мир, и всегда он будет мне чужд»⁵⁶².

Вполне закономерным здесь выглядит вопрос, который Шарохин ставит в конце своего жизнеописания – а есть ли у меня Родина? «Все чаще и чаще грезится Харбин... Я часто мучительно думаю: “А есть ли у меня Родина?” Что такое Родина? Это “дом, где родился и рос”? Там, где прошли годы моей юности? Но той Родины нет в природе уже очень давно. Здесь, где подходит к концу мой жизненный путь? Где я остался полуголодным, больным, слепым, одиноким и никому не нужным? Мамочка твердила мне, что моя Родина – Тюмень, но Тюмень не стала для меня Родиной. Когда я увидел действительность, которая меня окружала, я с болью и горечью понял, что я всем чужой и практически человек, не имеющий Родины...»⁵⁶³.

⁵⁶⁰ Шарохин 2007а: 39.

⁵⁶¹ Шарохин 2007б: 41, 43.

⁵⁶² Шарохин 2007б: 43.

⁵⁶³ Шарохин 2008: 68.

Впрочем, случай Шарохина выглядит скорее исключением на фоне основной массы воспоминаний, демонстрирующих успешный результат адаптации репатриантов к советской действительности и в целом позитивную оценку своей жизни на родине.

В отличие от четко выраженной дихотомии «эмигрантского – советского» в конструируемой текстами воспоминаний диаспоральной идентичности репатриантского сообщества мессианские мотивы, имевшие место в программных установках редколлегий репатриантских изданий, практически не нашли места в воспоминаниях репатриантов.

Таким образом, разрушение советского социально-культурного контекста и «реабилитация» эмиграции в начале 1990-х гг., активная деятельность интеллектуального ядра репатриантского сообщества, способствовавшая осознанию бывшими репатриантами своей принадлежности к уникальному сообществу, и, наконец, стремление оставить своеобразную метку, свидетельство продолжающегося бытия перед лицом приближающегося естественного конца жизни (даже самые молодые из репатриантов в 1990-е гг. приближались к 60-летнему возрасту), все это обеспечило «возрождение» (или конструирование) диаспоральной идентичности в среде угасающего сообщества Русской Атлантиды. В отличие от своих отцов дети (и уж тем более внуки) репатриантов, не имевшие уникального социально-культурного опыта жизни в эмиграции, стали органичной частью принявшего их родителей общества. С уходом последних представителей эмигрантского сообщества, некогда существовавшего в Китае, Атлантида русской послереволюционной эмиграции с ее особой диаспоральной идентичностью навсегда исчезнет.

Список источников и литературы

Архив УФСБ РФ по СО – Архив Управления ФСБ РФ по Свердловской области.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.

Андреев 2004 – Андреев Р. Н. Иллюзии и действительность // Русская Атлантида. – 2004. – № 12. – С. 64-67.

Загоскина 2005 – Загоскина О. В. Путь в эмиграцию и обратно // Русская Атлантида. – 2005. – № 16. – С. 48-57.

Каменев 2005 – Каменев В. В. На обочине // Русская Атлантида. – 2005. – № 14. – С. 59-64.

- Серебренниковы 2006** – Китай и русская эмиграция в дневниках И. И. и А. Н. Серебренниковых. В 5 т. М.: РОССПЭН, 2006. Т. 1: «Пока же мы счастливы тем, что ничто не угрожает нам...» (1919–1934).
- Комендант 2010** – Комендант Е. Л. В тени белой акации // Русская Атлантида. – 2010. – № 37. – С. 43-48.
- Косарева 2011** – Косарева А. Е. Мои воспоминания о Китае // Русская Атлантида. – 2011. – № 41. – С. 67-72.
- Пешкова 2005** – Пешкова Л. В. Целинная история // Русская Атлантида. – 2005. – № 15. – С. 72-76.
- Смирнов 2012** – Смирнов С. В. «Китайщина»: Китай глазами русских эмигрантов (1920–30-е гг.) // Общество и государство в Китае: XLII науч. конф. / Инст-т востоковедения РАН. – М., 2012. Т. 2. С. 276-284.
- Шарохин 2007a** – Шарохин Н. Г. Мой Харбин // Русская Атлантида. – 2007. – № 26. – С. 37-46.
- Шарохин 2007b** – Шарохин Н. Г. Чужой среди своих // Русская Атлантида. – 2007. – № 27. – С. 37-43.
- Шарохин 2008** – Шарохин Н. Г. Чужой среди своих // Русская Атлантида. – 2008. – № 28. – С. 63-68.
- Manchester 2013** – Manchester L. Repatriation to a Totalitarian Homeland: The Ambiguous Alterity of Russian Repatriates from China to the USSR // *Diaspora: a journal of transnational studies*. 2013. N 16:3 (2007). P. 353-386.